

«Мы ищем, дядя Влас...»

Время шло. Положение «Отечественных записок» становилось все более устойчивым, создавалась возможность опубликовать в них ранее написанные главы поэмы «Кому на Руси...»

В № 1 и 2 журнала «Отечественные записки» за 1869 год напечатаны «Пролог» (ранее опубликованный), «Поп», «Сельская ярмонка», «Пьяная ночь». В № 2 за 1870 год — главы «Счастливые» и «Помещик». Появление в печати первой части эпопеи вновь пробудило живую заинтересованность Некрасова в работе над ней, и в 1872 году он пишет главу под названием «Последыш» («Отечественные записки» № 2 за 1873 год).

Прошло более десяти лет после падения крепостного права. «Распалась цепь великая...» Пореформенное десятилетие показало, как больно она ударила по мужику. Внимательно присматриваясь к жизни пореформенной деревни, поэт задавал себе вопрос:

Народ освобожден, но счастлив ли народ?
(«Элегия». II, 392)

И с горечью отвечал на него:

В жизни крестьянина, ныне свободного,
Бедность, невежество, мрак...
(«Как празднуют трусу». Там же, 396)

В стихотворениях пореформенных лет Некрасов говорит о трагедии крестьянского безземелья («Притча о Ермолае Трудящемся»), о народной нищете и непосильном труде «коняги» — мужика («С работы»), о страшной судьбе вчерашних рабов, выброшенных за борт жизни «свободой» настоящего («Эй, Иван!»). В эти годы, уже ознаменовавшиеся признаками общественного подъема, «жгучее, святое беспокойство»

Некрасова за «жребий», судьбу народную («Уныние») еще более возрастает.

Где же ты, тайна довольства народного? —

(«Как празднуют трусу»)

спрашивает поэт. Над решением этого вопроса билась передовая революционная интеллигенция 70-х годов, стремление решить его определяет основное направление творчества Некрасова этих лет. Приближалось время «хождения в народ». Вопрос о крестьянской революции, а следовательно, об уровне сознания современного крестьянства, приобретал актуальное значение. Вернувшись к работе над эпопеей, Некрасов и стремится в главе «Последыш» запечатлеть свое время во всей его сложности: показать страшную силу инерции прошлого, заклеить пережитки крепостничества в социально-экономической жизни России 70-х годов и в то же время художественно запечатлеть те сдвиги, которые произошли в народном сознании за десятилетие.

События, изображенные в новой главе эпопеи, приурочены к лету («Петровки. Время жаркое. В разгаре сенокос») того же года, когда 7 мужиков начали свое путешествие. С первыми пореформенными месяцами связывает главу и своеобразие сюжетной ситуации: помещик не хочет слышать о манифесте и живет иллюзией, что крепостное право существует. Но в то же время глава «Последыш» не уводила в прошлое. Насыщенная воздухом 70-х годов, подсказанная тревогами и надеждами этих лет, она обращала внимание читателя-современника к самыми животрепещущим вопросам дня.

Может вызвать удивление: зачем в новой главе эпопеи автор снова рисует образ помещика? Нет ли тут дублирования уже однажды изображенного? Что мог прибавить рассказ о Последыше к уже известному странникам идеалу помещичьей жизни? Ведь сущность и основа дворянского счастья ясна им и осуждена ими! В том-то и дело, что не о сущности помещичьих идеалов повествует глава. Странники даже и не пытаются расспрашивать, «доведывать» князя Утятина, и в этом смысле «Последыш» не развязывает ни одного из намеченных «Прологом» сюжетных узлов, не приближает повествование к развязке. Но в идейном движении поэмы, а следовательно, и в ее сюжетном развороте эта глава намечает весьма ощутимый перелом.

Мужики, заспорив «на столбовой дороженьке», отправились искать ответа на вопрос:

Кому живется весело,
Вольготно на Руси.

И попа, и Оболта они спрашивали:

Сладка ли жизнь поповская (помещичья)?
Ты как — вольготно, счастливо
Живешь, честной отец (Помещичек живешь)?

Теперь же на вопрос старосты Власа о цели их странствий мужики дают неожиданный для читателя ответ:

Мы ищем, дядя Влас,
Непоротой губернии,
Непотрошенной Волости,
Избыткова села..

В 1872 году внимание Некрасова всецело приковано к вопросам благосостояния крестьянства (Избытково село), его социальной свободы (Непоротая губерния) и экономической независимости (Непотрошенная волость).

Вложенные в уста мужиков слова о поисках ими Избыткова села не звучат, однако, как нечто неорганичное, извне навязанное автором. Мы помним, что важнейшим идейным лейтмотивом поэмы является рост народного сознания. Семь мужиков (персонификация пробуждающейся народной мысли, народного мнения) не зря странствовали по Руси. Чем яснее они представляли себе сущность и основы поповского и помещичьего благополучия, чем больше видели народной нищеты и горя, тем настойчивее перед ними вставал вопрос: возможно ли не «дырявое с заплатами», а истинное народное счастье? Можно ли найти пути к нему? Этот последний вопрос особенно отчетливо звучит в рукописях поэмы:

Ах, где же ты счастливое
Непоротой губернии
Непотрошенной волости
Избытково село?
Которая дороженька
Ведет к тебе? (XII, 301)

Не отказываясь от намерения рассказать о встречах странников с чиновником, министром, царем, автор «Кому на Руси...» в 1872 году выдвигает в ней на первый план вопрос народных судеб, поисков путей к народному счастью. Размышление над этими проблемами определяет выбор сюжета,

характер и способы изображения князя Уятина, повышенное внимание к нарисованному народному коллективу.

Современная Некрасову реакционная критика упрекала поэта в нелепости, неправдоподобности сюжета главы «Последыш», но исследователи творчества Некрасова установили, что случаи, подобные изображенному, имели место в русской действительности.¹ Опирался ли Некрасов при работе над «Последышем» на какой-то реальный факт или не опирался, важно, что сюжет главы подсказан ему сущностью социально-экономических отношений, сложившихся между пореформенным крестьянством и бывшими владельцами «крепостной собственности», когда крестьяне остались, как и прежде, в зависимости от помещиков, всеми силами стремившихся сохранить свои «веками освященные» привилегии и власть над мужиком.

Сюжет главы «Последыш», построенный на резком столкновении интересов большого народного коллектива и помещика-землевладельца, как раз и отражает факты кабальной зависимости «свободных» крестьян от помещика. Крестьянам деревни Большие Вахлаки жизненно необходимы «луга поемные». Наследники князя Уятина, которого при известии о воле хватил удар, боясь, что отец в ярости лишит их наследства, уверяют старика, что крепостное право восстановлено, и уговаривают крестьян за вознаграждение («луга поемные») временно, до смерти старого князя, играть роль крепостных. И вахлаки, чтобы получить эти поемные луга, соглашаются разыгрывать «дурацкую камедь».

В возникшей ситуации действительно есть что-то анекдотическое и парадоксальное. Автор с первых строк главы — картиной «веселой косьбы» вахлаков, слаженности их труда, размахом прокосов («прокосы широчайшие!»), образом мужика со жбаном — подводит странников (и читателя) к выводу:

Здесь богатырь народ!

---

¹ «Нечто подобное было, например, в селе Щуколове, Дмитровского уезда, Московской губернии. В 1861 г. владелица этого села долго скрывала от своего мужа, разбитого параличом, факт „освобождения“ крестьян. Живший в той местности декабрист А. В. Поджио писал об этом случае так: „Во избежание вторичного окончательного паралича, она (помещица) скрывает от него (своего мужа) „случайную эмансипацию“ (т. е. освобождение крестьян) и ежедневно счастливый еще помещик отдаёт по-прежнему приказания старосте: „завтра сгон, собрать баранов, баб не спускать“ и пр.» (Белоголовый Н. А. Воспоминания и другие статьи. М., 1897. С. 11) (III, с. 662—663).

И вот эти богатыри повинуются капризам и прихотям, выполняют нелепые и бессмысленные приказы выжившего из ума маразматика. В частном, в парадоксальности сюжетной ситуации главы «Последыш» отражается ненормальность, нелепость того порядка вещей, при котором народ — труженник и богатырь находится в полной экономической и правовой зависимости от власти дворянских последышей.

Слово «вахлак» наряду со значением «неуклюжий, грубый, неотесанный» имеет и другое: «сонный», «полусонный». Мужики деревни Большие Вахлаки Безграмотной губернии Старо-Вахлацкой волости поначалу, в момент освобождения, — темные, с еще не проснувшимся социальным сознанием, а потому излишне благодушные и доверчивые по отношению к помещикам люди. Они поверили обещаниям наследников Утятина, они еще тешат себя иллюзией свободы, не осознают степени своей зависимости от помещиков. Изо всех вахлаков, может быть, один Клима Лавин понимает истинное положение вещей. Когда Влас упрекает его за шутовскую речь перед помещиком, в которой Клима говорил о полной зависимости крестьян от господ

(Все ваше, все господское!
А мы, как рыба в неводе,
Хозяева в дому!),

Лавин отвечает:

Эх, Влас Ильич! где враки-то?..
...Не в их руках мы, что ль?

Правильность этих слов Клима подтверждается развязкой главы. Умер Последыш, но

...за луга поемные
Наследники с крестьянами
Тягаются додвесь.

Доверчивые вахлаки попали в одну из тех ловушек, которые на каждом шагу были расставлены «освобожденному» мужику.

Суд, чиновничье-бюрократический аппарат, буржуазная законность оказываются на стороне наследников, и поездки Власа в Москву и Питер не приносят пользы («...толку что-то нет»).

Названием главы «Последыш» автор привлекает внимание читателя к фигуре князя Утятина. Оболт и тот оказался способен понять, что

По жизни по помещичьей
Звоят!..

Утятин же принадлежит к тому типу реакционных самодуров, которые не хотят считаться с законами жизни. Он «дурит по-старому» и не понимает, что его, Последыша, история обрекла на фарсовую роль. Само прозвище, которое дали князю крестьяне, знаменательно. Последыш — последний ребенок в семье. Утвердившееся за Утятиним прозвище подчеркивает авторскую мысль об исторической обреченности дворянства. Процесс социального одряхления класса выявляется и в движении образов: на смену крепенькому и румяному Оболту приходит полупарализованный старик Утятин. В нем еще ощутимее, чем в Оболте, воплощены отжившие, мертвые, призрачные стороны жизни. Но есть пословица о мертвецце, хватающем живого. Так и в поэме Некрасова костлявой рукой мертвецца Последыш душит живую жизнь. Призраки прошлого уходят сопротивляясь, а потому и нужно добивать их жалом сатиры, — вот какова авторская позиция.

Образ Последыша нарисован в почти гротескных тонах. Уже портретная его характеристика выявляет черты старческой дряхлости («Худой! Как зайцы зимние, / Весь бел», «Его водили под руки»), маразма («Лицо перекошенное») и хищничества («Нос клювом, как у ястреба»). Последняя деталь была найдена не сразу. Первый вариант: «Лоб голый, нос с горбинкою» (XII, 304). Второй: «Нос вострый, как у ястреба» (там же, 309). И наконец, третий, окончательный: клков, да еще ястребиный.

Важной портретной деталью, говорящей о том, что старик выжил из ума, являются его разные глаза:

Один здоровый — светится,
А левый — мутный, пасмурный,
Как оловянный грош!

В минуты волнения и гнева старика он то вертится колесом, то становится неподвижным, «как месяц на небе».

Основную роль в создании образа Оболта-Оболдуева играла портретная характеристика героя и его рассказ-исповедь, в которой помещик рассказывал странникам о своей жизни, раскрывал свои представления о счастье. Теперь, в главе «Последыш», автор использует иные, сравнительно с главой «Помещик», средства создания образа. Странники видят Последыша в разных ситуациях: на прогулке, во время обеда, катающимся в лодке; становятся свидетелями его чудачеств. Но Последыш, так сказать, лишен права голоса. Его образ

«... Нос клювом, как у ястреба,
Усы седые, длинные
И — разные глаза...»

раскрыт не через автохарактеристику, а дан в видении, восприятии и интерпретации вахлаков, прежде всего старосты Власа.

У Власа, до «воли» исполнявшего обязанности бурмистра при барине, за многие годы немало накопело в душе обид и ненависти. Они и определяют основной тон его предельно меткого и беспощадного рассказа о Последыше, который «дурит по-старому». Грубость и спесь, раздражительность, придирчивость и полное отсутствие здравого смысла у барина — вот лейтмотив рассказа Власа о Последыше. Его «приказы» по «вотчине», сообщенные Клишкой Лавиным, напоминают глупый фарс. То приказ женить шестилетнего Гаврилу Жохова на семидесятилетней вдове Терентьевой, то — пастухам унимать коров, чтоб не мычали, проходя мимо барского двора, то сторожем к усадьбе назначить глухонемого дурака Еремку...²

Всё в Последыше — его вид, «приказы», манера поведения, отношение к народу — вызывает злой, иронический смех вахлаков. Именно в суждениях о Последыше, отношении к нему вахлаков раскрывается пробуждение и рост их социального сознания.

Крестьянское терпение
Выносливо, а врёмсям
Есть и ему конец.

Разыгрывают вахлаки «дурацкую комедию», но терпению вахлацкому явно приходит конец. Просыпается полусонная вахлачина и начинает осознавать, что и кто стоит на пути к народному благополучию. Отношения крестьян и помещика в «Последыше» рисуются как глубоко антагонистические. Ненависть и презрение — вот чувства, определяющие отношение вахлаков к барину. Не может быть мира между помещиком и мужиком. Эту мысль Влас выражает пословицей:

Хвали граву в стогу,
А барина — в гробу.

Народной же пословицей-шуткой (а в пословицах, как известно, запечатлены многовековой опыт и мудрость народная!)

---

² Гротеск у Некрасова всегда имеет основания в действительности. Вслед за рассказом о нелепых приказах Последыша сообщается не менее гротескный факт о безумствах «спятившего с ума» якутского генерала. М. Гин установил (*Гин М. От факта к образу и сюжету. М., 1971. С. 258*), что Некрасов опирался на реальный случай. Фамилия этого генерала — В. К. Бодиско.

выражает накипевшую у вахлаков злобу против господ Клим Лавин:

В кремешный ад провалимся,
Так ждет и там крестьянина
Работа на господ!..
...Они — в котле кипеть,
А мы — дрова подкладывать!

Враждебное отношение вахлаков к помещику достигает кульминации в стычке Последыша с Агапом Петровым. Это он назвал князя Уятину Последышем, он выразил мысль о близком конце помещичьего всевластия, коль скоро у крестьян хватит решимости на борьбу:

Сегодня ты начальствуешь,
А завтра мы Последышу
Пивка — и кончен бал!

Для вахлаков в сравнении с Последышем самый последний пропащий мужичонка — и тот человек, а дворянские последние — «подонки из поганого корыта». Все крестьяне деревни Большие Вахлаки ждут как праздника, как избавления смерти барина:

Умри, как жил, помещиком...
Да только поскорей!
Дай отдохнуть крестьянину!

Жизнь помещика предстает теперь уже не перед судом 7 мужиков, а перед более широким и гласным судом всей вахлячины, всего крестьянского «мира», а образы странников сливаются с той народной стихией, порождением и выражением которой они являются.

В главе «Последыш» Некрасов нарисовал большой крестьянский коллектив, притом не случайную ярмарочную толпу, а крестьян одной деревни во всем разнообразии их индивидуальностей и сложных внутренних взаимоотношений.

Вахлаки (за исключением лакея Ипата) едины лишь в желании получить «луга поемные» и в ненависти к Последышу. Но очень различные формы проявления ее, уровни сознания вахлаков, их характеры, суждения, привычки. В пестром народном коллективе выделяются более крупно выписанные образы Власа, Агапа Петрова и Климки Лавина.

Особняком стоит Ипат, так сказать, родной брат лакея князя Переметьева из главы «Счастливые», холоп, раб по убеждению:

Я у князей Утятных
Холоп — и весь тут сказ!

Со слезой в голосе рассказывает Ипат о «барских милостях»: его, еще ребенка, «князюшка» запрягал в тележку, позже, в порядке пьяной забавы, купал в проруби, а уже престарелого, вывалив зимой в снег и переехав санями, не бросил замерзать в снегу, а подобрал, «одел», «согрел»

И рядом, недостойного,
С своей особой княжеской
В санях привез домой!

Пожалуй, поэта интересует не столько сама по себе психология раба — порождение «крепи», многовекового рабства, — сколько процесс освобождения народного сознания от инерции крепостничества:³ чувство презрения, омерзения вызывает этот «холуй чувствительный» у вахлаков, сохранивших и в рабстве живую душу. Последнее прежде всего относится к старосте Власу.

Влас, Власушка, Влас Ильич, как ласково и уважительно называют его вахлаки, — человек, всей душой болеющий за судьбу своих односельчан, кровно связанный с ними, но в результате долгих наблюдений над беспросветной жизнью деревни пришедший к известному скептицизму, утративший веру в добро. Суровость и недоверчивость Власа определяют его весьма резкое и, в общем, несправедливое отношение к бахвалу и актеру Климке Лавину. Но зато вполне оправданы эти настороженность и неприязнь со стороны Власа по отношению к помещику. За свою долгую жизнь Влас, образ которого нарисован автором в теплых, мягких тонах, так устал от барского самодурства, что не хочет больше быть «шутлом гороховым», и, подчинившись решению «мира» («камедь» за поемные луга), отказывается, однако, исполнять роль шутовского бурмистра. Опасения Власа обоснованны, и, когда после смерти Последыша вахлаки остаются в дураках, тот же Влас отстаивает интересы крестьян («Влас за крестьян ходатаем»), так как все помыслы его связаны с благом родной ему вахлачины.

Не одобряет сделки вахлаков с наследниками и Агап Петров, мужик «грубый, непокладистый», «головка непоклончива». Он с гневом корит односельчан:

---

³ Сила этой инерции хорошо видна в рассказе Пахома про крестьянина Сядора, даже из тюрьмы посылавшего оброк барину.

Ай, мужики! Царь сжалился,
Так вы в хомут охотю...
Бог с ними, с сенокосами!
Знать не хочю господ!

Некрасов рисует народную среду во всей ее истинности. Он «не преувеличивает революционность Агапа Петрова. Она не выходит у этого бунтаря за пределы крестьянской философии — с ненавистью к помещику, с верой в царя».⁴ Но образ Агапа, безудержность и сила его ожесточения в стычке с Последышем есть для Некрасова свидетельство того, что народному терпению приходит конец.

Одно из центральных мест в главе «Последыш» занимает образ «шутовского бурмистра» Клима Лавина, получивший в литературе о поэме очень различную трактовку. В Климе видят и «пройдоху, ловко приспособляющегося к любым условиям»,⁵ и «барского прихвостня», предателя крестьянских интересов, и даже «сторонника либеральной идеологии».⁶ Думается, что подобные мнения далеки от истины.

Клим, образ которого свидетельствовал о процессах распада русской патриархальной деревни, нарисован Некрасовым как натура сложная, противоречивая, однако в основе своей не противостоящая вахлацкому «миру», а единая с ним. «Человек без твердых принципов, без самолюбия, хвастун и лгунишка», «бахвал» с «бесстыжими глазами», горький пьяница, нечистый на руку, неспособный к трудовой жизни, «последний человек» среди вахлаков, он вызывает к себе насмешливо-отрицательное отношение. Однако это отношение смягчено, ирония не переходит в окончательное отрицание потому, что тот же «Климаха» «оказывается по-своему преданным „миру“ и разделяющим общие интересы крестьян».⁷ Более того, «он весьма умело отстаивает интересы своих односельчан. Обладающий в высокой степени даром находчивости, актерства и жесточайшей иронии, Клим превращает отношения вахлаков с Последышем в самый смелый и дерзкий

---

⁴ Краснов Г. В. Изображение народа в поэме Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» // О Некрасове. Ярославль, 1958. С. 166.

⁵ Плахотишина В. Т. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». Киев, 1956. С. 66.

⁶ Яковлев К. Ф. Кто он, Клим Лавин? // Истоки великой поэмы. Ярославль, 1962. С. 203 и 207.

⁷ Твердохлебов И. Ю. Поэма Некрасова «Кому на Руси жить хорошо». М., 1954. С. 97.

фарс. Острые его иронии даже тогда, когда Клиим изливается в бесконечной преданности помещику, неизменно направлено на существующие отношения господ и мужиков... Клиим живет теми же чувствами, которые прозвучали в разгневанной речи Агапа, которыми живет и дышит вся вахлачина».⁸ Это особенно ощутимо в последнем монологе Клиима — «Уважил я Последыша...». Свою деятельность «шутовского бурмистра» Клиим рассматривает как своеобразную «мирскую», т. е. полезную односельчанам, работу:

Скажи спасибо, Влас Ильич:
Я миру порадел!

Этот «бродяга» и «бахвал» ощущает каторжность взятой им на себя роли, и вдохновляет его прежде всего возможность вволю поиздеваться над опостылевшим всем помещиком.

Таким образом, вахлачина, при всем разнообразии и непохожести крестьянских типов, ее составляющих, предстает в поэме как некое социальное единство. Основа его — общность условий жизни и труда, ненависть к крепостническому прошлому, жажда свободы, жизни «без подати, без барщины». Но в то же время вахлаки еще достаточно наивны и доверчивы, что и приводит к печальным результатам: обещанных наследниками поемных лугов они не получают. Всем содержанием главы Некрасов дает понять, что только ясное, осознанное понимание своих социальных интересов и активная борьба за них ведут к желанному идеалу счастливой жизни, к Избыткову селу.

«Последыш» мыслился автором как глава сюжетно завершенная. Это подтверждается наличием эпилога, из которого читатель узнает, что крестьяне с наследниками Последыша «тягаются дондесь». Но, выдвинув на первый план тему народного счастья, глава «Последыш» предопределила дальнейшее развитие действия поэмы.

---

⁸ Озерова А. А. Проблематика и композиция поэмы «Кому на Руси жить хорошо» // Некрасов в школе. М., 1960. С. 483—484.